

комъ съскной полиції грандіозная проката. «Бомбисты» оказались агентами съскной полиції, дѣйствовавшими по порученію своего начальника Дурлева. Создалъ проката Дурлевъ, стъ губъю поднять свою служебную репутацію, которая, со вступленіемъ въ должность градоначальника Мартынова, сильно пошатнулась вслѣдствіе обнаруженія Мартыновымъ злоупотреблений въ дѣйствіяхъ Дурлева. Вмѣстѣ съ Дурлевымъ, предсталъ суду наизнатель съскной полиції Бадировъ.

Министръ народного просвѣщенія Шварцъ сообщилъ сотрудникамъ газетъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о прѣмѣи свидѣевъ въ университетѣ соотвѣтственно члену вновь поступившему студенту. (Р. В.)

— Въ Петербургъ прибыла пасломицка Енисейской станціи Кубанской области, Березинъ, обратившись съ ходатайствомъ о предоставлении ему права лѣчить холерныхъ больныхъ особымъ лѣкарствомъ, которое имъ примѣнялось въ холеру 1905 года, за что имъ было получено похвальный листъ. Не желая сообщать врачамъ секрета своего рецепта, Березинъ обратился съ ходатайствомъ къ градоначальнику. Оригинальный лѣкарь проситъ предоставить ему трехъ безнадежныхъ холерныхъ, на которыхъ онъ испытываетъ дѣятельство своего средства. (Р. В.)

— На дняхъ состоялось экстренное засѣданіе глашаній союза русского народа. Обсужденіе вопроса о принятии юанитовъ подъ защиту союза и оказаніи имъ поддержки. Возникъ горячій прѣній. Собрание раскололось на два группы. Одна агитировала за слияніе съ юанитами; другая категорически противостояла противъ этого. Собрание въ иѣ какому рѣшенію не пришло. Въ заключеніе была принята резолюція, вѣсны силами пропаганды рѣшено финляндскому суду о привлечении доктора Дубровина къ дѣлу по обвинению въ убийствѣ Герценштейна. (Р. В.)

— Частный характеръ газеты «Россія» установленъ официально. Въ сѣмѣ спасительныхъ средстахъ министерства внутреннихъ дѣлъ на 1910 годъ въ доходной ея части «Россія» фигурируетъ подъ рубрикой печатанія и экспедированія частныхъ периодическихъ изданій. Доходъ отъ печатанія «Россіи» исчисленъ министерствомъ въ 1910 г. въ 1,825 руб. Въ расходной части сѣмѣ министерства «Россія» не значится.

— Въ Ковно состоялось совѣщеніе представителей еврейской интеллигентіи по вопросу о созывѣ всемирного съѣзда по урегулированию еврейской эмиграціи. Совѣщаніемъ избранъ комитетъ изъ 7 лицъ для подготовительныхъ работъ. (Р. В.)

— По инициативѣ дѣятелей благотворительности въ январѣ 1910 года въ Петербургѣ состоялся съѣздъ русскихъ дѣятелей по благотворительности. (Р. В.)

— Директоръ статистического комитета министерства внутреннихъ дѣлъ въ здании Золотаревскаго, какъ называются, представилъ П. А. Столыпину проектъ введенія нового налога на лицъ, освобожденныхъ по общимъ правиламъ отъ воинской повинности. (Р. В.)

Царскій приѣздъ.

Несмотря на установление приказа № 855 по военному вѣдомству 1908 года о временныхъ командинровкахъ младшихъ офицеровъ изъ строевъ и на послѣдовавшее затѣмъ указаніе военнаго соѣтства относительно пересмотра штабовъ и управлений, о чёмъ было сообщено начальникамъ окружныхъ штабовъ, отъ некоторыхъ главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ продолжали поступать къ военному министру ходатайства о разрѣшении имѣть въ прикомандированіи означенныхъ чиновъ, для письменныхъ занятій, чѣмъ это установлено, сроки вперед до поступления штатовъ.

Имѣя въ виду, что удовлетвореніе таковыхъ ходатайствъ могло бы послѣдовать лишь въ изятіе изъ закона, военнымъ министромъ было повергнуто о томъ на Высочайшее благовѣщеніе, но соизволеніе Государа Императора о разрѣшении подобныхъ продолжительныхъ командинровокъ не послѣдовало.

При этомъ Его Императорскому Величеству на всеподданійшемъ докладѣ по изложеному вопросу благоговѣнно было собственоручно начертать слѣдующую Высочайшую резолюцію:

«Я работаю за троихъ, пустъ другіе работаютъ за двоихъ. Несомнѣнно».

(Разъѣздчикъ).

Придорвная жизнь въ началь прошлаго го вѣка.

Засеки гр. Мориола (Иог. Вѣст., № 8) содержатъ вѣковою любопытными чертами для придорвной жизни 20-го столѣтія. Авторъ записокъ склоняется къ мнѣнію, что писательствомъ съзвѣздіемъ называется «педагогами». Къ начальному академическому году прибылъ пок. С. Синкевичъ Строгоновскій. Учителъ же по прошумѣть вѣкъ. Приготовительный классъ тоже.

При возникновеніи нашего реального училища не думалось, что оно будетъ спортивнымъ.

Миллионное населеніе умершаго М. Д. Бутинъ, назначенное покойнымъ для учащихъ нуждъ своего города, пока находится подъ наблюдениемъ с. г. душеприказчикомъ, который «выдали» похоронную книгу въ царскую семью, но императоръ принялъ энергично противъ этому и разрешилъ ей метть титулъ великой книжни. Предстояла свадьба великаго князя Константина Павловича, жившаго на князь Лопицкой. Князя страстью добивалась входъ въ царскую семью, но императоръ принялъ энергично противъ этому и разрешилъ ей метть титулъ великой книжни.

Мы положительно живемъ въ какомъ-то «туникѣ». Желаемъ просыпаться, но не можемъ найти мы помѣшаній и преподавателей.

Наша жѣлезнодорожная «жѣлѣзка» продолжаетъ «таскать» вагъ и впередъ, пусть вагонъ, напоминаетъ Амурск. ж. дор., которая теперь отъ вагонъ да далеко, даже губернскому окружному начальнику, который «выдалъ» похоронную книгу въ царскую семью, но не можетъ быть въ вѣтровъ и дѣлъ.

С. Кимильтъ, Нижнед. у. Съ

моя природная наклонность и тысячи обстоятельствъ, случайныхъ и накрѣпко сознанныхъ, украли это мое отвѣтствіе. Моя бракъ и неоднократные заявленія, которыхъ я приходилось здесь слышать, должны были убѣдить васъ, что если бы я какимъ образомъ измѣнилъ слушаю старшаго брата, то, конечно, не я бы насыпалъ ему. Такъ хотѣлъ я въ этомъ подавлять вопросъ еще при жизни брата Николая.. Я думалъ, что мое слово звучитъ больше, чѣмъ клочекъ бумаги, но его все-таки потребовали и я употребилъ тѣ выразительныя, которые я имъ угодно было мое предѣстѣ.

Суправская жизнь вѣкъ, когда сложилась не очень удачно. Вольническій, разбѣгъ, право, подъ подъ головой, скрою изъ вѣтровъ, но скрою изъ вѣтровъ, Константина представляла полную противоположность своей жизнѣ, выдержаніе, холодъ, хорошъ воспитаніе культурной польши, которую «коробки гробовъ» штука съ «сургуча». Къ тому же якниня была яровой польской патріоткой, а великій князь использовалъ каждымъ слушаю, что бы выразить свое презрѣніе къ польской языку. И вѣнчаніе условия жизни были очень тяжелы для князини. Константина Павловна, вынужденная по русскому образу, подѣлѣвъ, любитъ засиживаться до поздней ночи, княгиня вставала рано и вынуждена была подъложить подъ ноги членовъ, вѣдомыхъ машинами, поездъ чего добровольно амнистийскую поѣзду. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работала или переписывала книгу. Но лишь только я заблагородился вставать слово и съ своей семьи, княгиня вставала рано и вынуждена была умкнуть, неизвѣстно повторяясь и въ канавѣ какому сказать слова. Разъ она оѣлаѣтъ разговоромъ, — пишетъ Мориоль, — другъ остается только слушать. Въ это время к

